

Веч. Мещ. Вн. - 2004 - 6.5

ВМ

6 АВГУСТА
ПЯТНИЦА

КУЛЬТУРА

ИНФОРМАЦИЯ

5

ДМИТРИЙ НАЗАРОВ: ИНТРИГИ — УКРАШЕНИЕ ТЕАТРА

— Вы работали в нескольких репертуарных театрах. Как вам кажется, театр может существовать без зависти, склок, интриг?

— Нет, конечно! Это тот же флёр, то же украшение. Как и любой коллектив, театр невозможен без интриг, как и без пьющих людей, разводящихся, скандалящих, влюбляющихся пар, без тайных и явных романов. Просто мы на виду. То, что сделал главный инженер Петров или фрезеровщик Фролов, никто, кроме ближайшего окружения, не узнает. А на нас очень удобно ткнуть в экран: «А он пьющий!» или «А этот вчера жену бросил!» Любому коллективу предполагает трения, выработку общего языка. Но скандалы, ссоры, столкновения были, есть и будут. Ну что делать? Такова природа человеческая!

— Но ведь в студийных театрах, например, «Табакерке», говорят, никаких интриг не было и нет...

— Я не знаю, как жила «Табакерка». Сейчас я как раз занят в спектакле этого театра. Надо бы расспросить... Мне кажется, когда люди, как в семье, больше знают друг о друге, труднее интриговать.

— Может быть, в успешном театре все это менее болезненно?

— Нет. Приходится обрасти какой-то кожей. Надо уметь держать удар.

— Вы научились?

— Не уверен. Знаю только, что если ты сердиться, нервничать или, не дай Бог, плачешь — это именно то, чего ждут от тебя твои недруги и завистники. Я стал держать удары лучше — это да.

— В этом сезоне вам повезло на молодых режиссеров, причем очень разных: Кирилл Серебренников, Миндаугас Карбаускис...

— Да, и все они действительно абсолютно разные. А ведь когда я уходил из Театра Армии, главный режиссер не скрывал своей убежденности в том, что я ни с кем, кроме него, работать не смогу... Но, тем не менее, на верное, талантливые режиссеры находят со мной общий язык.

— А с кем: с Серебренниковым или Карбаускисом вам было легче, комфортнее работать?

— У одного было много месяцев на постановку, а у другого — месяц и три недели. Поэтому с Серебренниковым у нас было время найти общий язык, притереться. А Карбаускис тащил сразу в результат, что для актера проживательного жанра очень трудно. Он сразу заявил, что мы делаем хороший спектакль, и все было сложнее.

— Не боялся такого заявить...

— Да, он смелый. С ним было труднее еще и потому, что мы очень разные и по возрасту, и по менталитету. Мы друг для друга иностранцы. Однажды на репетиции я спросил его: на каком языке он все-таки думает? Оказалось, что в России — по-русски. Это меня немножко успокоило. Но я думаю, не было бы нашего сегодняшнего «Дяди Вани», если бы не блестящая профессиональная помощь Табакова. При этом Олег Павлович настаивает: «Я не режиссер. Я актер и менеджер». Но мне он помог именно как актер, как педагог, потому что не было ни времени, ни сил после выпуска «Мещан», чтобы собраться и найти эту сложнейшую линию, определить «звучание» Астрова. И Олег Павлович, уже на самом выпуске, несколькими разящими замечаниями, сделанными с глазу на глаз, точно вывел меня на траекторию.

— Ваш Астров необычный: сильный, страстный, витальный...

— Все решилось, когда одна из журналисток, еще не видя спектакля, сказала: «Как же вы решились играть такого циника, сердцееда, донжуана?» А я совсем ничего этого и не играл! Это клише образа. И я ей ответил: «У меня много знакомых врачей. Они абсолютно циничны в хорошем смысле во всем, что касается их профессии. Они легко рассказывают о тех, кого оперируют, как они лечат сумасшедших, о том, кому что отрезали или как зашили... Но это не имеет никакого отношения к их жизни». Поэтому и доктор Астров вне профессии ничуть не более циничен, чем все, кто втянут в эту провинциальную историю. А Миндаугас действительно очень талантлив. Например, у нас потрясающие декорации Олега Шейнциса. Но когда на первой встрече я увидел компьютерный макет, то чуть не хлопнулся в обморок — играть было негде! Миндаугас с математической точностью выверил все мизансцены и все их воплотил. Он сам отличный художник и мгновенно все рисует: «Ведь так красиво?» — говорит. Если бы не он — моментально возникли бы проблемы. Только на авансцене и пришлось бы играть, как раньше в плохой опере Большого.

— Чье мнение для вас особенно ценно?

— Все! Но особенно — ругательные мнения критиков. Потому что в одном случае, читая рецензию, я вижу свою беду и проблему. А в другом мне любопытно понять природу этого злостного обвинения. Зачем наковыривать бессмысленные грязные, нелепые, очень субъективные вещи, которые ни один из этих людей мне в глаза не скажет? Когда же хвалят, то и хвалят почему-то норовят очень невежливо. После «Мещан» в каждой второй статье вроде бы хвалили, но обязательно писа-

ли «громогласный, зычный, фактуристый верзила». Какие-то такие странные эпитеты у них находятся... Хочешь похвалить — так похвали!

— Сейчас часто слышишь, что актер — профессия женская. И вы знаете, глядя на некоторых актеров, понимаешь, что в этом есть доля истины.

— Категорически не согласен! Равно как и с тем, что актерская профессия богопротивная. Те, кто это утверждают, наверное, не задумывались всерьез, во всяком случае, и понятия не имеют, насколько это тяжелый физический труд. Хотя, согласен, сейчас много актеров, которые принизили себя до «женской профессии». Куда уж дальше, если Филипп Бедросович позволил себе при общей защите всего шоу-бизнеса повести себя гнусно, по-бабьи. Это катастрофа! Впрочем, наконец-то шоу-бизнес полностью отделился от всего прочего искусства, и стало совершенно очевидно, что исполнение пошлости на сцене — это образ мысли шоу-бизнеса. Это совершенно другая каста, которая глубоко противна всем театральным, киношным деятелям, да и всем порядочным людям вообще. Хотя я в свое время от прессы натерпелся и сейчас время от времени терплю, это ничего не значит: есть какие-то пределы, которые переходить нельзя. И, по идее, если на секунду представить, что в России еще есть настоящие мужчины, Киркорову надо было бы спрятаться в бункер и не вылезать, потому что его должны вызывать на дуэль минимум сто тысяч человек.

— Вам важно, чтобы партнер был не просто профессионалом, но и приятным вам человеком?

— Это не просто важно, это должно быть обязательно. Мы

же занимаемся ансамблевым искусством. Для меня существенно, чтобы с партнерами и за кулисами были хорошие отношения, даже если на сцене ты играешь с ними вражду. Без этого очень трудно.

— Но случалось?

— Много раз. И в Малом театре, и в Театре Российской армии. Бывали случаи, когда мы просто не разговаривали. Тяжело, но это профессия.

— А как вы реагируете, если партнер забывает текст?

— Если он забывает его просто потому, что забывает, то ничего страшного. Это аромат театра. В этом даже есть какое-то обаяние — и ты легко находишь выход из положения. Но если это происходит по неспортивным причинам — то раздражает безумно, и прощать совсем не хочется. Тем более если это вошло в систему. Как любит говорить актер Театра Российской армии Александр Михайлушкин: «За тридцать лет служения в театре я заслужил трезвого партнера!»

— Может ли искренне дружить очень успешный актер с тем, кому до славы далеко?

— Думаю, да. Ведь что такое дружба? Это абсолютное взаимопонимание от трагедии до комедии, от неприятных жизненных ситуаций до радостных, веселых. Обязательно — схожее чувство юмора. Умение отдать, пожертвовать. Это искренность и откровенность. Небоязнь взглянуть глупым, несчастным. Получается, что дружба — это возможность оставаться самим собой. Разве, получая в жизни такой роскошный подарок, будешь задумываться о том, насколько знаменит в этом мире твой друг?

Беседовала
Марина ЗЕЛЬЦЕР

Этого большого — в прямом и переносном смысле — артиста зрители узнали после сериалов «Гражданин начальник» и «Закон». Хотя до этого он переиграл массу серьезных ролей и в Малом театре, и в Театре Российской армии. Ну а «Кулинарный поединок» на телеэкране принес ему всенародную популярность. В этом сезоне Дмитрий Назаров играл уже на сцене МХАТа им. Чехова: Тетерева в «Мещанах» и Астрова в «Дяде Ване» (в спектакле «Табакерки»). А со своей женой Ольгой Васильевой сделал еще и дуэтный спектакль «Праздник души». Помимо театра и жены у Дмитрия Назарова есть еще одна всепоглощающая страсть — футбол, причем не только как у болельщика.

— Дима, приятно, что в последнее время вы всегда в хорошем настроении. Уж, наверное, вы довольны, как удачно сложился для вас сезон?

— Что касается самих премьер, все неплохо. Но надо всегда обращаться и видеть, что вокруг тебя есть более талантливые, более успешные, более востребованные, в конце концов, более точные артисты. Это очень помогает от головкружения. И в «Мещанах», и в «Дяде Ване» есть на кого равняться. А в «Празднике души» у Оли все получилось гораздо интереснее, чем у меня, потому что в репетиционный период я занимался продюсерской, организационной ерундой, которой занимать-

ся был не должен. Не впуская этот каторжный труд, но больше никогда за продюсирование не возьмусь! Я рад, что спектакль ушел под крыло «La' Театра» Вадима Дубровицкого. Теперь есть возможность дотянуться до уровня своей жены и любимой партнерши...

— С Олегом Павловичем вы были знакомы до вашего приглашения во МХАТ?

— Нет, мы впервые общались, когда он мне позвонил и представился: «Это Олег Табаков, артист». Я говорю: я в курсе, кто вы... (смеется). И мы поняли друг друга.

— Ваше представление о Табакове изменилось после того, как вы узнали его ближе?

— Все мои ожидания, сложившиеся заочно, в том числе по рассказам коллег, полностью оправдались. И вы понимаете, и Олег Павлович понимает, и я понимаю, что всевозможные рассказы о нем неоднозначны. Нет человека, который его только ругает или только хвалит. Я знал, что встречу многогранность. Ведь нас, актеров, трудно обмануть. Наша профессия — читать второй, третий план и выстраивать его на сцене. Поэтому когда в жизни чуть внимательнее приглядишься — начинаешь видеть второй-третий план человека. Правда, бывает, что ты лопух лопухом и упускаешь что-то... Но, как правило, артист не ошибается.